

УДК 159.9.019

НИКОЛАЙ ЕФИМОВИЧ РУМЯНЦЕВ: “АПОСТОЛ ТРУДА И ТВОРЧЕСТВА”

© 2020 г. Н. Ю. Стоюхина

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23, Россия.
Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии управления.
E-mail: natast0@rambler.ru*

Поступила 30.12.2019

Аннотация. Статья посвящена 100-летию со дня смерти ныне почти забытого, а в начале XX в. известного педагогического психолога Николая Ефимовича Румянцева (1876–1919). Основоположник педагогической психологии в России, он создал вместе с профессором А.П. Нечаевым психологическую лабораторию в Соляном городке, педологические курсы для учителей, выступил одним из организаторов первых съездов по педагогической психологии (1906, 1909 гг.). Н.Е. Румянцев прожил короткую и яркую жизнь. Кроме активной просветительской деятельности в Петербурге и множества публикаций, благодаря которым его имя стало известно провинциальным педагогам и психологам, современники узнали о нем после выхода его книги с описанием поневоле приобретенного опыта плена в Германии, куда он приехал в 1913 г. для стажировки в лабораториях В. Вундта и Г.Э. Мюллера. Вернувшись в Россию в 1917 г., он снова принялся за просвещение, главной его идеей было создание школы нового типа — трудовой школы, где работают психологически образованные учителя, со всем вниманием и уважением относящиеся к личности учащегося. В последние годы жизни радикальные изменения в стране перенесли его в Сибирь, где он без устали популяризировал идеи педагогической психологии и внедрял их в практику.

Ключевые слова: Н.Е. Румянцев, А.П. Нечаев, история психологии, педология, педагогическая психология, эксперимент в педагогике, стажировка в немецких лабораториях, Первая мировая война, трудовая школа.

DOI: 10.31857/S020595920012590-5

17 декабря 2019 г. исполнилось 100 лет со дня преждевременной смерти от тифа педагогического психолога, педолога, талантливого популяризатора научно-педагогических знаний, убежденного проповедника идеи трудовой школы Николая Ефимовича Румянцева, к сожалению, сейчас почти забытого. “Почти” — потому что фамилия Румянцева все же упоминается в современной литературе: относительно часто — в монографии А.А. Никольской [8], а Т.Д. Марцинковская называет его “подлинным инициатором формирования возрастной психологии в России” [6] наравне с А.П. Нечаевым и В.М. Бехтеревым. В его судьбе столкнулось время российской истории с российским пространством: из 43 лет своей жизни половина — время его профессионального становления и профессиональной деятельности — пришлось на тот период, когда Россия круто меняла вектор своего развития, и этот поворот перенес столичного ученого в провинцию. Удивительный для нашего восприятия маршрут его жизни можно начертить так:

Москва — Санкт-Петербург — Германия — Санкт-Петербург — Пермь — Томск. В первой трети XX столетия можно найти множество таких мигрирующих ученых (в качестве примеров достаточно посмотреть книги об истории создания областных вузов [9–11; 22]). Румянцеву повезло — он работал в столице с одним из самых известных ученых того времени А.П. Нечаевым, стажировался в лучших лабораториях мира, прожил несколько лет в Германии, но, пожалуй, невезения в его судьбе было больше — после почти пяти лет отсутствия в стране его стали забывать и окончательно забыли после его отъезда в 1918 г. в Сибирь, где он вскоре умер провинциальным ученым. “В научном психологическом сообществе отсутствует адекватное представление о роли и месте в истории науки провинциальных психологов, что, на наш взгляд, связано с тем, что их судьбы остаются не обозначенным и не осмысленным явлением в истории психологии” [23, с. 153].

Задачу данной статьи мы видим в том, чтобы рассказать о неизвестном современному психологу ученом — Николае Ефимовиче Румянцеве.

ПЕТЕРБУРГ: ПЕДОЛОГ Н.Е. РУМЯНЦЕВ

Он родился 20 мая 1876 г. в Московской губернии. Еще обучаясь в Московской духовной академии, интересовался лекциями по психологии проф. П.П. Соколова и по окончании академии отправился в Санкт-Петербург для продолжения своего психологического образования, где с 1901 г. начал свою активную деятельность педагогического просвещенца и исследователя А.П. Нечаев. Н.Е. Румянцев стал одним из ближайших помощников, единомышленников и коллег Нечаева, который в конце 1901 г., покинув кафедру Санкт-Петербургского университета, открыл “лабораторию прикладной педагогической психологии: это случилось 24 октября 1901 г. в Педагогическом музее военно-учебных заведений в Соляном городке” [7, с. 239]; здесь читали лекции, проводили семинары и практические занятия. Осенью 1904 г. заработали Педологические курсы (директор — Н.Е. Румянцев [2, с. 298]) для тех, кто интересовался психической жизнью детей и подростков. Состав работников курсов был авторитетный: А.П. Нечаев, А.Ф. Лазурский, А.А. Крогиус, В.И. Вартанов, В.А. Вагнер, А.С. Грибоедов, Д.А. Дриль, И.И. Лапшин, Н.Е. Румянцев, М.И. Коноров и др. [7, с. 240]. Тогда же, в 1904 г., В.М. Бехтерев с единомышленниками стал выпускать журнал “Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма”¹. В нем среди прочих был раздел педагогической психологии, с 1905 г. выделенный в самостоятельный журнал “Книжки по педагогической психологии”. Его редактировали А.П. Нечаев и Н.Е. Румянцев, а еще через три года под их же редакцией стал издаваться “Ежегодник экспериментальной педагогики”, где публиковались экспериментальные исследования, рефераты новых книг, рецензии и книжные обзоры. Фамилию Румянцева можно встретить во множестве педагогических и психологических журналов, где ему принадлежит авторство многочисленных статей по вопросам психологии воспитания и образования (“Русская Школа”, “Вестник Воспитания”, “Вестник экспериментальной психологии” и др.). Много им делалось для популяризации педологии, психологии и педагогики; он также преподавал психологию в учебных

заведениях Петербурга и способствовал (вместе с А.П. Нечаевым) укреплению создаваемых педагогических обществ в разных городах (например, в 1908 г. их пригласили в только что созданное Ревельское Педагогическое общество для чтения лекций [7, с. 242]). Таким образом, он “близко подошел к педагогике, к школе, к ребенку” [4, с. 4]. Как писал добрый знакомый Румянцева А.И. Сырцов, “внутренний мир ребенка был для Н.Е. Румянцева нечто большее, чем лишь предмет пытливого научной любознательности; это был мир его поэзии, сферы наиболее интимных и обязательных увлечений его недюжинного сердца” [25, с. 2].

О его участии в работе первых психологических съездов мы можем судить по его выступлениям. На Первом всероссийском съезде по педагогической психологии (Санкт-Петербург, 1906) Николай Ефимович приветствовал съезд, обозначив свой интерес к новой отрасли психологии, сохранившийся до конца жизни, — психологии детской жизни. Обеспокоенно звучали его слова: “В Америке открылся ряд лабораторий, где ведутся исследования по детской психологии, организовались общества, преследующие те же цели, при университетах возникли соответственные кафедры... Из Америки это движение перекинулось на материк, где еще раньше появился целый ряд ценных работ по психологии детства. И там стали возникать педологические общества, издания, лаборатории, курсы, где готовящиеся к педагогической деятельности могли изучать психологию и знакомиться с методами исследования детской жизни. Только в России дело научной подготовки преподавателей не двигалось вперед” [26, с. 19]. Он надеялся, что съезд послужит распространению идеи педологии в России.

Эта короткая реплика о педологии спустя несколько лет переросла в книгу [16], из которой следовало, что педология приобрела в России горячего популяризатора и приверженца. Отметим, что в работах Румянцева всегда есть интересное историческое введение в предмет обсуждения. И здесь автор подробно рассказывает историю педологии, начиная от первой попытки немецкого врача Тидемана в 1787 г. с триумфальным шествием новой научной отрасли с материка на материк и обратно до современного ему состояния науки в России. Несмотря на ожидания ученых всего мира, что XX в. станет “веком ребенка” [16, с. 7], а педология — “своего рода Мекка, обещавшая возрождение”, в России педолого-педагогическое движение шло медленно, не находя благоприятных условий для своего развития из-за “отсутствия достаточно подготовленных людей, которые бы могли посвятить

¹ До 1911 г. выходил с таким названием, а затем как “Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии”. Прекратил издаваться с 1919 г.

себя исследованию детской природы” [16, с. 18]. По заключению Н.Е. Румянцева, Министерство Народного Просвещения не поддерживало педологическое движение, потому что “идеалом его был не вдумчивый педагог... а чиновник, беспрекословно исполняющий министерские циркуляры, которые должны были разрешать все педагогические вопросы и вдохновлять учителей. Министерство почти ничего не делало для педагогической подготовки учителей средних школ” [16, с. 19]. Однако благодаря И.А. Сикорскому, А.П. Нечаеву, Г.И. Россолимо и множеству других ученых, а также энтузиастов врачей и педагогов педологическое движение стало распространяться.

В 1907 г. Румянцев прочел для учителей средней школы на курсах при Санкт-Петербургском университете лекцию о школьном психологическом кабинете. Тема лекции была обусловлена введением уроков психологии в гимназии и, соответственно, появлением учителей, знакомых с психологией и могущих вести экспериментальные исследования, тем более что “обращение с аппаратами приучает к точности наблюдений и осторожности в выводах и обобщениях; занятия в психологическом кабинете развивают склонность оценивать явления школьной жизни с психологической точки зрения” [18, с. 59].

На Втором всероссийском съезде по педагогической психологии Николай Ефимович утверждал, что педагогика должна слиться с педагогической психологией. “В экспериментах надо выяснить, что может учитель требовать от каждого ученика, и соответственно строить занятия. В центр обучения надо ставить запросы и потребности ученика” [1, с. 373], и потому большинство психологических экспериментов в школе проводилось для определения уровней психического развития детей. Румянцев доложил о своем исследовании развития эстетического чувства у детей; его выводы говорили о необходимости окружить ребенка в первые школьные годы доступными его пониманию красивыми впечатлениями, сделать так, чтобы все окружающее ребенка было насыщено красотой в доступной ему форме. “Насущная задача школы — создать такую уютную обстановку, которая привлекала бы ученика, располагала к занятиям, вызывала интерес и любовь к себе, не только развивала бы его ум, но и согревала бы сердце, давая пищу эстетическим переживаниям” [19, с. 361].

В это время просвещенная мировая общественность стала проявлять интерес к детскому творчеству, увидев в нем огромный неизученный ресурс развития личности ребенка (Э. Мейман, К. Риччи, Г. Мюллер, К. Шмидт, Г. Киршенштейнер,

Л. Тэдд), и Николай Ефимович “сделался одним из горячих его апологетов. Он раньше других понял всю ценность творческой деятельности в человеке, поняв это, решил нести эту идею прежде и больше всего в педагогические круги” [4, с. 4]. Докладчик и активный член в Педагогическом музее и на многих съездах по вопросам воспитания и образования, в обществе содействия дошкольному воспитанию, в родительском кружке, в обществе учителей рисования, в организационных комитетах, он непрерывно пропагандировал интерес к этой части детской жизни.

Однажды художники, музыканты, историки и психологи организовали кружок по изучению эстетического воспитания — художественно-педагогический кружок — и Румянцев стал там заместителем председателя; с большим энтузиазмом он устроил ряд публичных лекций по вопросам эстетического воспитания, позже опубликованных в книге. Николай Ефимович писал, что в Германии в конце XIX столетия зародились союзы для художественного воспитания юношества. Одним из первых таких союзов был “Союз учителей для художественного образования в Гамбурге” во главе с педагогом Г. Кершенштейнером, а вскоре стали открываться такие же общества в Берлине, Дрездене, Лейпциге, Мюнхене и т.д. Рядом с этими учительскими организациями возникали родительские союзы, преследующие те же цели — художественного воспитания детей. Из Германии это движение перешло в Бельгию, Швецию, Францию; в Америке оно зародилось параллельно и самостоятельно. Везде организовывались общества художественного воспитания детей, устраивались выставки “Искусство в жизни ребенка”, созывались съезды по вопросам эстетического воспитания. Распространению идей художественного воспитания содействовало его соответствие требованиям тогдашней педагогики, основывающейся на изучении природы ребенка. “В то время, как прежняя педагогика имела прежде всего в виду культуру ума, наполнение головы ученика как можно большим количеством знаний, современная обращает внимание на необходимость воспитания всего человека, на воспитание личности, характера, на культуру чувств, эмоций. Она настойчиво указывает на то, что путь к уму идет через сердце, забота о воспитании которого поэтому является необходимой предпосылкой умственного образования” [20, с. 8]. Румянцев видел в детях маленьких художников, которые, как первобытные люди, “населяют мир образами своей фантазии, живут в мире сказки, воплощают свои мысли и желания в игре, в которой справедливо видят зародыш искусства. Они воспринимают мир глубоко субъективно,

и не столько понимают явления, сколько чувствуют истину. Для ребенка наглядно не то, что находится перед его глазами, понятно не то, что хорошо объяснено, растолковано, но то, что действует на его живое воображение, затрагивает его чувства. <...> Отсюда ясно, какое громадное значение может и должно иметь в воспитании искусство — обнаруживающее красоту и гармонию в окружающем мире и в жизни людей, и, в то же время, обращаясь к воображению, трогающее сердце” [20, с. 10].

Так, через активную деятельность Румянцева его имя узнали педагоги и психологи Петербурга, что только прибавило ему работы: он преподавал психологию в учительской семинарии, в гимназии, на фребелевских курсах (для воспитателей дошкольных учреждений), в Педагогической академии. К провинциальным педагогам он “пришел” через съезды по семейному воспитанию и педагогической психологии и, переезжая из города в город, вселял “в учительство новый любовный взгляд на ребенка и его самодеятельность” [4, с. 5].

В 1913 г. вышли “Лекции по педагогической психологии для народных учителей” [13], где Николай Ефимович уверенно называет ее экспериментальной наукой, стремящейся “рассматривать все вопросы воспитания при свете точно установленных фактов душевной жизни человека и наблюдений над психическим развитием ребенка. Ее характеризуют, прежде всего, способы исследования” [13, с. 22], унаследованные от естественных наук. И главную задачу, стоящую перед педагогической психологией, Румянцев видит в приспособлении всех сфер школьной жизни к ребенку, всячески содействуя проявлению и развитию индивидуальных особенностей личности.

Продолжая основную тему своего творчества — психология ребенка и подростка — Румянцев написал о проблемах полового воспитания с психологической точки зрения [17], посвятив издание, по сути, подростковому возрасту. Автор приводит типологию подростков проф. П.Ф. Лесгафта: “1) с преобладанием отраженных действий, 2) чувственный, 3) сознательно-мыслящий. Первый тип — мало развитой. Ученьем перестает интересоваться, занимается собой, заботится о прическе, галстук и т.п. Проявляет антисоциальные наклонности, может утащить что-нибудь, присвоить себе. Организует даже шайки для нападения на чужие сады. Второй — с преобладанием религиозного настроения. Учением не интересуется в это время. Начинает брезгливо относиться к своему телу и считает его нечистым. Подвергает себя всякого рода лишениям. Третий — сознательный. Зачитывается

книгами, забывая свои обязанности. Увлекается искусством, ищет самостоятельной деятельности. Пишет дневник, издает газету. Стремится к выработке миросозерцания. Интересуется общественной жизнью. Ко всему относится критически, анализирует свои душевные переживания” [17, с. 55].

В итоге усилий первых российских специалистов по педагогической психологии в ближайшее десятилетие по всей стране была создана целая сеть педологических лабораторий, в том числе и в провинции. “Уже к 1909 г. ... она состояла из 33 педологических лабораторий. С созданием этой сети при институтах и университетах число специалистов в области экспериментальной педагогики, педагогической психологии, педологии заметно увеличилось. <...> Масштабы педологического движения в России достигли такого уровня, а размах и разнообразие работ по различным направлениям изучения детства оказался настолько широк, что для их координации на территории России встал вопрос о создании Общества экспериментальной педагогики” [27, с. 159].

В 1912 г. Румянцева избрали лектором в Педагогической академии, а через год его командировали в Германию для работы в лабораториях В. Вундта (Лейпциг) и Г.Э. Мюллера (Геттинген), где он изучал постановку дела народного образования в самой Германии и соседних Бельгии и Швейцарии. В Лейпциге их с женой застала Первая мировая война, начавшаяся 28 июля 1914 г. Трудное возвращение в Петроград состоялось лишь в 1917 г.

НЕСПОКОЙНЫЙ ПЕТРОГРАД: ВОЗВРАЩЕНИЕ К РАБОТЕ

Вернувшись к профессиональной деятельности, Н.Е. Румянцев стал заведующим психологической лабораторией в Соляном городке, работал над вопросами дошкольного воспитания, но вскоре в Учительском союзе Петрограда решили организовать свой Педагогический музей и курсы, Союз лекторов тоже организовывал педагогические курсы, и Николай Ефимович возглавил эти направления. Отмечая талант лектора, коллеги писали, что он “не довольствовался обычным теоретическим изложением своего курса, но вводил так называемые собеседования. Ставил слушателям какой-нибудь острый педагогический вопрос и предлагал по нему высказаться” [4, с. 5].

Читая небольшую книжку о трудовой школе, изданную в 1917 г., кажется, что она написана сразу по возвращении автора из Германии, когда он, пораженный увиденным на родине, захлебывающейся

ветром революции и свободы, как многие интеллигенты, очарованный новой, становящейся реальностью, сулящей невиданные прежде изменения, тут же набросал оду трудовой школе [14]. Патетикой революционных изменений, которые явно нравятся автору, проникнута каждая страница: «Сброшена могучим порывом народа старая деспотическая власть сурового принуждения и дикого произвола. Над Россией заалела яркая звезда свободы. <...> И вот перед народной школой встают новые, великие и в высшей степени ответственные задачи» [14, с. 4]. Если старая школа, по мнению Н.Е. Румянцева, «приноравливаясь невольно к чиновничьему деспотическому государству, воспитывала людей для слепого послушания лишенных инициативы и предприимчивости» [14, с. 5], то «новая школа должна воспитывать граждан свободного правового государства» [14, с. 5], но для этого необходимы свобода, самодеятельность, труд и творчество как непрменные условия трудовой школы.

Вышло второе, исправленное издание педагогической психологии на основе вновь прочитанных лекций на Педагогических курсах [15]. Видя изменения в обществе, пока хаотичные, часто нелепые, и страстно мечтая их ускорить, он все громче заявляет о задаче новой трудовой школы — воспитании гражданина нового общества. Румянцев пока не знает, каким будет это общество, но утверждает: «школа должна приучать к усилиям — в этом сущность трудовой школы, которая должна давать не болтунов и говорунов... а людей дела, способных быстро разбираться в том, что нужно, способных к интенсивной, планомерной работе. Старая школа давала Рудиных, которые очень хорошо рассуждали, но не умели приложить своих сил к действительной жизни, не могли найти своего призвания... нам нужно, чтобы школа давала людей, которые умели бы действовать настойчиво, интенсивно, планомерно, систематически. Для этого нужны известные усилия, нужно, чтобы школа учила проявлять эти усилия. Но усилие может быть свободным, когда человек сам решается произвести его, потому что известная работа его удовлетворяет» [15, с. 62]. Для этого нужно «приучать к усилиям. Старая школа приучала под влиянием принуждения, а в новой это должно быть результатом самостоятельной деятельности, сознания того, что эта работа должна быть доведена до конца, что она интересна» [15, с. 61].

У власти было Временное правительство, и проект «нового человека» еще не был заявлен, но мысль о том, что русский человек — недостаточно хороший работник, звучала давно.

В послеоктябрьской России образцовые черты работника будут искать у американского рабочего [5; 24], а пока Румянцев, вспоминая недавнее и невольно долгое житье в Германии, с симпатией писал о «широко развитом чувстве профессиональной честности, добросовестности» у немцев [15, с. 123], которые сделались внутренней характеристикой людей. С горечью он отмечал у россиян «недобросовестное отношение к своим обязанностям, недостаточную работоспособность, неумение довести дело до конца» [15, с. 123] ввиду особой «славянской природы», отличающейся отсутствием силы воли и т.д. «Русский человек... работает не планомерно, не систематически, он горячо берется за дело, работает с увлечением, но потом быстро охлаждается и, благодаря этому, обычно не доводит работу до конца, у него много благородных порывов, но мало уменья систематически и планомерно работать, благодаря чему он делает меньше, чем мог бы сделать при своей энергии и трудоспособности. В то ж время иностранцы работают обыкновенно спокойно, но зато систематически» [15, с. 124]. Трудовая школа — школа нового типа, по мнению Румянцева, может культивировать и поощрять в ребенке добросовестность в исполнении своих обязанностей, чувство долга, аккуратность, честность, правдивость, правильность выполнения задач в сотрудничестве.

СИБИРЬ: ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПЕДОЛОГИЯ

В начале июня 1918 г. Николай Ефимович был приглашен в Пермь² читать педагогическую психологию на летних курсах, организованных городским учительским союзом совместно с городским отделом народного образования для городских учителей. Профессор философии А.И. Сырцов [3] предложил ему должность ассистента в Пермском университете и чтение курса «Введение в практические занятия по экспериментальной психологии», и Румянцев согласился. Коллеги вспоминали: «слушателей всегда было много, и со всех факультетов. Помимо блестящей внешности лекций, их ясности, курс был не только «введением в практические занятия», но и введением в экспериментальную психологию с сильным уклоном в психологию педагогическую» [4, с. 6]. Видя большой интерес к своему предмету, с осени он начал читать педагогическую психологию на фребелевских курсах и вскоре был избран председателем их совета.

² Пермь с 17 декабря 1917 г. до 25 декабря 1918 г. находилась в руках большевиков.

Организованные еще в 1917 г. фребелевские курсы под патронажем общества “Светлая Юность” перешли к созданному Н.Е. Румянцевым Обществу дошкольного и внешкольного воспитания и образования детей, и весной 1918 г. Николай Ефимович их преобразовал в трехгодичный высший фребелевский институт, где стал первым директором. В Обществе еженедельно устраивались собрания с чтением и обсуждением докладов, были кратковременные курсы по дошкольному воспитанию, куда съезжались слушательницы и слушатели из уездов Пермской губернии. По воспоминаниям коллег, Румянцев “весь жил мыслью об этих курсах. Заметно было, что общение с ищущим обновления учительством доставляло ему самому большое удовольствие” [4, с. 6].

Осенью 1918 г. он начал работать в отделе народного образования при уездном исполкоме председателем педагогического бюро, а фактически — уездным школьным инструктором, разъезжая по уезду, организуя районные съезды, читая лекции по трудовой школе и привлекая к обмену опытом учителей. “Уезд ожил, зашевелился. Обязательная трудовая советская школа сначала была встречена враждебно или холодно, а потом стала увлекать, когда к ней прикоснулись и почувствовали, что она учителя из ремесленника превращает в творца. Сами строители — большевики на местах еще смутно и узко понимали сущность трудовой школы, но Николай Ефимович расширял этот смысл на районных съездах не только среди учителей, но и населения” [4, с. 7]. Николай Ефимович даже открыл еженедельный журнал “Трудовая Школа”, после прихода белой армии³ переименованного в “Свободную трудовую школу”. Когда Пермь готовили к сдаче красноармейцам, Румянцев эвакуировался в Томск⁴ вместе с университетом, где снова создавал курсы по дошкольному образованию, пытался организовать новую демократическую газету, читал лекции по истории педагогики на высших женских курсах, читал лекции по психологии в университете, организовывал детские клубы, руководил занятиями с ранеными в лазаретах.

В его творческих планах постоянно и много пишущего человека была диссертация о детском мышлении (над этой темой он работал в Германии, но материалы не разрешили вывезти) и несколько учебников по педагогической психологии.

³ Войска Колчака заняли Пермь 25 декабря 1918 г. и были в нем до 1 июля 1919.

⁴ Советская власть в Томске была провозглашена 6 декабря 1917 г.; 31 мая 1918 г. город заняли белые войска и находились там до 22 декабря 1919 г.

Похоже, для Николая Ефимовича не имело большого значения, кто у власти, если речь шла о его любимом деле — народном образовании. В октябре 1919 г., будучи в Томске, он выступил с возмущенной статьей о плохой работе министерства народного просвещения в правительстве А.В. Колчака, возглавляемого поочередно министрами В.В. Сапожниковым и М.И. Преображенским. Румянцеву кажется очевидным, что “возрождение государства возможно только при помощи народного образования, которое, поэтому, является самой насущной, самой неотложной задачей государства”. В это время раздаются голоса, что в Сибири “не следует реформировать школы до тех пор, пока Сибирь не соединится с остальной Россией. Реформу школы надо проводить в общегосударственном масштабе, а еще неизвестно, под знаменем каких идей пойдет она с освобождением государства от ига большевизма” [12, с. 11]. Это не верно, считал Румянцев, его точка зрения — “реформа школы должна идти под знаменем демократических идей, навстречу народному самоуправлению”, что предполагает “приспособления школы к условиям данной обстановки... Нерационально в Сибири создавать такую же школу, как в средней России, южной, северной и т.д. В этом отношении гораздо полезнее идти по следам Америки или Германии, где бесконечное разнообразие школьных организаций, меняющихся от штата к штату... при сохранении общего духа в направлении образования. Поэтому и Сибирь, не дожидаясь воссоединения с Россией, должна сейчас же приступить к выработке своей системы народного образования, к созданию новой школы” [12, с. 11]. В результате бюрократической работы министерства “родились на свет худосочные, бледные, недоношенные проекты новых школьных реформ”, будто чиновники не понимают, что “забота о народном образовании более, чем пушки, предохраняет государство от ужасов гражданской войны” [12, с. 12].

Друзья Румянцева вспоминали, что, несмотря на некоторые неудачные инициативы и провалы своих проектов, Николай Ефимович обладал кипучей, инициативной беспокойностью духа, энергией, верой в торжество правды, заражавшей всех: “под влиянием из веры рождалось увлечение, из увлечения — кипучая инициатива” [4, с. 7]. “Под влиянием его горячего призыва хотелось взглянуть в первые почки распускающейся души ребенка, проследить тонкие и вычурные узоры женской души, пропасти и глубины души преступника...” [21, с. 9], — писал один из его учеников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Такая короткая и насыщенная биография европейского ученого, сгоревшего от тифа в глубине России, не изменившего себе в занятиях любимым делом, в переживании собственной необходимости людям, буквально — несшего свет просвещения в далекие уголки страны...

Напряженное время, в котором выпало жить Н.Е. Румянцеву, — перелом веков с его много раз описанными ощущениями тревожной и воодушевляющей новизны, скорых изменений, — не оставляло ему длительного спокойного периода. За прожитые 43 года неизменным оказались две вещи: пресловутые «условия неопределенности» его бытия и преданность науке педологии. Кажется, именно последняя оказалась той прочной константой, не позволявшей ему останавливать свое движение. Каждый временной этап был как новая жизнь, но для Румянцева ничего не менялось — он будто олицетворял просвещение и культуру.

Нам еще предстоит собрать его рассеянные по журналам и сборникам работы, перечитать их и осознать, что в начале XX в. в России был педагогический психолог, становящийся равным своему учителю — А.П. Нечаеву.

Данное жизнеописание забытого ученого — яркий, но весьма типичный случай, раскрывающий тип ментальностей эпохи как одного из факторов истории науки. Подобная историко-психологическая практика расширяет разработки собственно биографической направленности и углубляет взгляд психолога на прошлое анализируемой области деятельности, возвращая ее создателей. История науки, показанная через биографию конкретного ученого, позволяет показать историю как непрерывно развивающиеся идеи, созданные конкретными людьми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будилова Е.А. Полемика о психологическом эксперименте на всероссийских съездах по педагогической психологии // Будилова Е.А. На рубеже веков: Очерки истории русской психологии конца XIX — начала XX века / Под общ. ред. В.И. Белопольского, А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. С. 369–383.
2. Ждан А.Н. История психологии. От античности к современности: Учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002.
3. Костицын В. Пермский период профессора Сырцова // Звезда. 2002. 12 ноября. С. 2.
4. Лепилов К., Бочкарев Н. Общественный работник // Свободная трудовая школа. 1920. № 2. С. 4–9.
5. Мазиллов В.А., Стояхина Н.Ю., Махалин А.И. «Большой психолог и методолог психологии»: к 100-летию со дня смерти Гуго Мюнстерберга // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 2. С. 194–204.
6. Марцинковская Т.Д. История возрастной психологии: Учебное пособие для вузов. М.: Академический проект; Трикста, 2010.
7. Маслов К.С. В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Таллинн: Изд-во Таллиннского университета, 2014.
8. Никольская А.А. Возрастная и педагогическая психология в дореволюционной России. Дубна: Издательский центр «Феникс», 1995.
9. Профессора Пермского университета. 1916–2016 / Гл. ред. В.И. Костицын; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. URL: <http://www.psu.ru/nauka/electronnye-publikatsii/monografii-123123>.
10. Профессора Таврического национального университета им. В.И. Вернадского (1918–2000) / Под ред. Н.В. Багрова, В.Г. Ены, В.Ф. Шарapy, Д.П. Урсu. Киев: Либидь, 2000.
11. Профессора ЯГПУ. 1918–2008: биографические очерки / сост. А.В. Еремин; под ред. проф. М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008.
12. Румянцева Н. Бюрократическое творчество // Свободная трудовая школа. 1920. № 2. С. 10–13.
13. Румянцева Н.Е. Лекции по педагогической психологии для народных учителей. М., 1913.
14. Румянцева Н.Е. Новые задачи народной трудовой школы. Саратов, 1917. 38 с.
15. Румянцева Н.Е. Педагогическая психология. Лекции, прочитанные на сентябрьских Педагогических курсах 1918 г. Петербург: Издание отдела подготовки учителей Комиссариата Народного Просвещения Союза Коммуны Северной Области, 1918.
16. Румянцева Н.Е. Педология (наука о детях), ее возникновение, развитие и отношение к педагогике. СПб.: Изд-во О. Богдановой, 1910.
17. Румянцева Н. Проблемы полового воспитания с психологической точки зрения. С предисловием автора. СПб.-Варшава: Ред. журн. «Обновление школы», 1914.
18. Румянцева Н.Е. Школьный психологический кабинет // Ежегодник экспериментальной педагогики. 1908 г. / Под ред. А.П. Нечаева. СПб., 1909. С. 56–82.
19. Румянцева Н.Е. Экспериментальные данные по вопросу о развитии эстетического чувства у детей // Труды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1909 г. (1–5 июня). Отчет, составленный Секретарем Съезда М.И. Коноровым при содействии секретарей

- Съезда А.И. Неклюдовой и Н.Е. Румянцева. СПб., 1910. С. 361–363.
20. Румянцев Н.Е. Эстетическое воспитание в начальной школе. М.: Народный Учитель, 1913.
 21. Слушатель и почитатель. Апостол труда и творчества // Свободная трудовая школа. 1920. № 2. С. 9–10.
 22. Сморгачев В.К. Первый костромской вуз: время, люди, судьбы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013.
 23. Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории “провинциальной психологии” // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 1 (38). С. 152–157.
 24. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920–1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.
 25. Сырцов А. (проф.) Н.Е. Румянцев // Сибирская жизнь. 1919. № 272. 21 декабря. С. 2.
 26. Труды Первого Всероссийского съезда по педагогической психологии в С.-Петербурге в 1906 г. (31 мая — 4 июня). Отчет, составленный Секретарем Съезда М.И. Коновым. СПб., 1906.
 27. Ценюга С.Н. Становление и развитие теории и практики педологической работы в народном образовании Приенисейского края второй половины XIX — первой трети XX вв.: монография. Красноярск, 2010.

NIKOLAY EFIMOVICH RUMYANTSEV: “THE APOSTLE OF LABOR AND CREATIVITY”

N. Yu. Stoyukhina

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;
603950, Nizhny Novgorod, Gagarin av., 23, Russia.*

*PhD (Psychology), Associate Professor of the Department of Management Psychology.
E-mail: natast0@rambler.ru*

Received 30.12.2019

Abstract. The article is dedicated to the 100th anniversary of the death of Nikolay Efimovich Rummyantsev (1876–1919), a colleague of Professor A.P. Nechaev, now he is almost forgotten, and at the beginning of the twentieth century he was famous among the first pedagogical psychologists. Having been the founder of educational psychology in Russia, the organizer of the first psychological congresses in educational psychology (1906, 1909), together with A.P. Nechaev created the psychological laboratory in the Solyanoy City and pedagogical courses for teachers, N.E. Rummyantsev lived a short and vibrant life. In addition to active educational activities in Saint Petersburg and many publications, thanks to which his name became known to provincial educators and psychologists, contemporaries found out about him after the release of his book with a description of involuntarily acquired experience — the experience of captivity in Germany, where he arrived in 1913 for an internship in laboratories of W. Wundt and G.E. Müller. Returning to Russia in 1917, he again embarked on enlightenment, when his main idea was to create a new type of school — a labor school, where psychologically educated teachers can work, with all the attention and respect for the personality of a student. Radical changes in the country transferred him to Siberia, where he tirelessly popularized the ideas of educational psychology and put them into real practice.

Keywords: history of psychology, pedagogy, pedagogical psychology, experiment in pedagogy, internship in German laboratories, World War I, labor school.

REFERENCES

1. Budilova E.A. Polemika o psikhologicheskom eksperimente na vsrossiiskikh s"ezdakh po pedagogicheskoi psikhologii. In: Budilova E.A. Na rubezhe vekov: Ocherki istorii russkoi psikhologii kontsa XIX — nachala XX veka. Eds. V.I. Belopol'skiy, A.L. Zhuravlev. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 369–383. (In Russian)
2. Zhdan A.N. Istoriya psikhologii. Ot antichnosti k sovremennosti: Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Akademicheskii proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2002. (In Russian)
3. Kostitsyn V. Permskii period professora Syrtsova. Zvezda. 2002. 12 noyabrya. P. 2. (In Russian)
4. Lepilov K., Bochkarev N. Obshchestvennyi rabotnik. Svoobodnaya trudovaya shkola. 1920. № 2. P. 4–9. (In Russian)

5. *Mazilov V.A., Stoyukhina N. Yu., Makhlin A.I.* “Bol’shoi psikholog i metodolog psikhologii”: k 100-letiyu so dnya smerti Gugo Myunsterberga. Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2017. № 2. P. 194–204. (In Russian)
6. *Martsinkovskaya T.D.* Istoriya vozrastnoi psikhologii: Uchebnoe posobie dlya vuzov. Moscow: Akademicheskii proekt: Triksta, 2010. (In Russian)
7. *Maslov K.S.* V svete nezrimogo: zhizn’ i sud’ba A.A. Krogiusa. Tallinn: Izdatel’stvo Tallinskogo universiteta, 2014. (In Russian)
8. *Nikol’skaya A.A.* Vozrastnaya i pedagogicheskaya psikhologiya v dorevolutsionnoi Rossii. Dubna: Izdatel’skii tsentr “Feniks”, 1995. (In Russian)
9. Professora Permskogo universiteta. 1916–2016. Ed. V.I. Kostitsyn; Perm. gos. nats. issled. un-t. Perm’, 2017. URL: <http://www.psu.ru/nauka/elektronnye-publikatsii/monografii-123123>. (In Russian)
10. Professora Tavricheskogo natsional’nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo (1918–2000). Eds. N.V. Bagrov, V.G. Eny, V.F. Sharapy, D.P. Ursu. Kiev: Libid’, 2000. (In Russian)
11. Professora YaGPU. 1918–2008: biograficheskie ocherki. Sost. A.V. Eremin; ed. prof. M.V. Novikova. Yaroslavl’: Izd-vo YaGPU, 2008. (In Russian)
12. *Rumyantsev N.* Byurokraticheskoe tvorchestvo. Svobodnaya trudovaya shkola. 1920. № 2. P. 10–13. (In Russian)
13. *Rumyantsev N.E.* Lektsii po pedagogicheskoi psikhologii dlya narodnykh uchitelei. Moscow, 1913. (In Russian)
14. *Rumyantsev N.E.* Novye zadachi narodnoi trudovoi shkoly. Saratov, 1917. (In Russian)
15. *Rumyantsev N.E.* Pedagogicheskaya psikhologiya. Lektsii, prochitannye na sentyabr’skikh Pedagogicheskikh kursakh 1918 g. Saint-Petersburg: Izdanie otdela podgotovki uchitelei Komissariata Narodnogo Prosveshcheniya Soyuza Kommun Severnoi Oblasti, 1918. (In Russian)
16. *Rumyantsev N.E.* Pedologiya (nauka o detyakh), ee vozniknovenie, razvitie i otnoshenie k pedagogike. Saint Petersburg: Izd-vo O. Bogdanovoi, 1910. (In Russian)
17. *Rumyantsev N.* Problemy polovogo vospitaniya s psikhologicheskoi tochki zreniya. S predisloviem avtora. Saint Petersburg, Varshava. Red. Zhurn. “Obnovlenie shkoly”. 1914. (In Russian)
18. *Rumyantsev N.E.* Shkol’nyj psihologicheskij kabinet. Ezhegodnik eksperimental’noj pedagogiki. 1908 g. Pod red. A.P. Nechaeva. S.-Peterburg, 1909. P. 56–82. (In Russian)
19. *Rumyantsev N.E.* Eksperimental’nye dannye po voprosu o razvitii esteticheskogo chuvstva u detei. Trudy Vtorogo Vserossiiskogo s’ezda po pedagogicheskoi psikhologii v S.-Peterburge v 1909 g. (1–5 iyunya). Otchet, sostavlennyy Sekretarem S’ezda M.I. Konorovym pri sodeistvii sekretarei S’ezda A.I. Neklyudovoi i N.E. Rumyantseva. Saint Petersburg., 1910. P. 361–363. (In Russian)
20. *Rumyantsev N.E.* Esteticheskoe vospitanie v nachal’noi shkole. Moscow: Narodnyi Uchitel’, 1913. (In Russian)
21. Slushatel’ i pochitatel’. Apostol truda i tvorchestva. Svobodnaya trudovaya shkola. 1920. № 2. P. 9–10. (In Russian)
22. *Smorchkov V.K.* Pervyi kostromskoi vuz: vremya, lyudi, sud’by. Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova, 2013. (In Russian)
23. *Stoyukhina N.Yu.* Problemy izucheniya istorii “provintsial’noi psikhologii”. Mir nauki, kul’tury, obrazovaniya. 2013. № 1 (38). P. 152–157. (In Russian)
24. *Stoyukhina N.Yu.* Psikhologiya vozdeistviya v sovetskoi psikhotehnike: 1920–1930-e gg. Yaroslavl’: RIO: YaGPU, 2016. (In Russian)
25. *Syrtsov A. (prof.) N.E. Rumyantsev.* Sibirskaya zhizn’. 1919. № 272. 21 dekabrya. P. 2. (In Russian)
26. Trudy Pervogo Vserossiiskogo s’ezda po pedagogicheskoi psikhologii v S.-Peterburge v 1906 g. (31 maya — 4 iyunya). Otchet, sostavlennyy Sekretarem S’ezda M.I. Konorovym. Saint Petersburg., 1906. (In Russian)
27. *Tsenyuga S.N.* Stanovlenie i razvitie teorii i praktiki pedologicheskoi raboty v narodnom obrazovanii Prieniseiskogo kraja vtoroi poloviny XIX — pervoi treti XX vv.: monografiya. Krasnoyarsk, 2010. (In Russian)